

Владимир ПОЛЯКОВ

- Ну, де-е-е-да, - тянула она, - я же быстро...
 - Хорошо, Кроша, - сдался он, - только валенки мои одень и рукавицы - мохнатки.

Наденька взметнулась и начала собираться в дорогу. Одеда теплые носки, обула дедовы валенки-самокатки, положила две луковицы в мешок, по углам, стянула их веревкой, другим концом завязала петлей горловину мешка - рюкзак был готов. Маленький, легкий полушубок и шапку одела уже на ходу. Взяла дедовы лыжи и выпорхнула в сени, крикнув:

- Пока, деда! Я быстро!
 - Вот жужелица, - подумал Никитич, - вся в меня.

Наденька скоро бежала по вчерашней лыжне, а рядом весело, заглядывая ей в глаза, прыгал Моряк. Не далеко от первой петли, Моряк вырвался вперед, подбежал к петле, сделал круг и вернулся.

- Пусто, - подумала она.
 Так они прошли большую половину пути. Оставалось совсем немного. И вдруг Моряк насторожился, сделал стойку и побежал. Остановился возле старого дерева без вершины и радостно залаял. Картина была печальной. В "кулемке" лежал заяц-беляк, без признаков жизни.

- Задавился, - подумала Наденька, - поздно.

Она с трудом освободила зайца, распутала мешок и положила его туда. Настроение ее испортилось. Она прошла до последней "кулемки", которая оказалась пустой и повернула назад.

- Эх, деда, деда, - думала она, - чего нам не хватает? Мясо и в магазине купить можно!

Вернулась она засветло. Зашла в избу. Положила мешок возле печки. Дед слез с кровати, вид у него был бодрый, но помятый.

- Спал, наверное, - подумала Наденька.

- Ну, как, внуча? - спросил он.

Она развязала мешок и по-

казала деду. Тот вытащил зайца, положил его на пол.

- Я, деда, петли сняла, - заявила Наденька, - больше охотиться не пойдешь.

Моряк вдруг залаял.

- Чего это он? - обернулся дед.

Моряк лаял на зайца. Косой пошевелился, открыл глаза, перевернулся с боку на живот.

- Живой! - ахнул дед. А заяц, постепенно оттаивая, подобрал ноги под себя. Никитич ухватил его за уши.

- Куда его? - подумал он, - Тащи-ка, Кроша, надстав с сеной и крышку прихвати, - крикнул он внучке.

Наденька воробышком выпорхнула в сени, схватила надставку с крышкой и занесла в избу. Надстав поставили возле печки, посадили в него зайца, который уже бился задними лапами. Утром они вынесли зайца из избы, посадили его на снег. Сначала он сидел смиренно, прижав уши, затем прыгнул в сторону, потом в другую и помчался кругами. Потом, замерев на месте, сорвался и что есть сил понесся к лесу.

- Ишь, ты, - подумал Никитич, - шустрый какой, ожил.

Наденька смеялась.

ПОСЛЕДНЯЯ

ОХОТЯ

Павел Никитич - приболел. То ли вчерашняя прогулка по лесу сказывалась, то ли на погоду, но суставы ломило и крутило, словно буравами. Он с вечера попил чайку из малинового листа с медом, лег к обогревателю, вроде задремал. Проснулся затемно и больше уже не уснул. Лежал, покряхтывал от боли и думал... А думать было о чем.

Жили они с внучкой Наденькой вдвоем, в избе, которая стояла на отшибе небольшого лесного села. Батяка ее работал трактористом, здесь же, в леспромхозе. Женился один раз - не сложилось, вот теперь во второй, а внучку подбросили деду. Внучка была уже большеенькой, училась в школе, в третьем классе, а сейчас была на каникулах.

Вчера Никитич ходил ставить петли да "кулемки", вверх по речке Песьянке. Вернулся вечером. Издалека заметил - печь топится, значит, Наденька ждет. Моряк повизгиванием и обиженным ворчанием - оставили дома - встретил хозяина прямо на пороге. Поужинали. Под лепет внучки и с мыслью о том, что завтра надо будет проверить петли, Никитич и задремал.

Светало. Он обычно вставал рано, но сегодня решил:

- Полежу, может, отпустит.

Однако не отпускало. Наденька проснулась от повизгивания Моряка. Он виновато лизал ей ладошку и просился на улицу. "Деда, - позвала она. - Моряк гулять хочет".

Дед тяжело повернулся на бок, ойкнул и сел. "Ты, Кроша, сегодня хозяйничай сама, на меня надежда плоха. - ответил он. "Я, видать, вчера немного того..."

- Заболел! - ахнула Наденька. - Я же тебе давно говорю, не шастай по лесу, как леший, чай не молоденький уже, - по-старушечьи запричитала она, - вот тепереча водись с тобой.

- Да ладно тебе, сорока, - огрызнулся дед, - иди лучше Моряка погуляй".

Встали, оделись. Наденька вышла с Моряком на улицу. Они бегали возле дома, по снегу и играли. Дед затопил печь, поставил чайник. За столом, пока пили чай с магазинными пряниками и ежевичным вареньем, дед невзначай обронил:

- Петли бы с "кулемками" проверить, попадет кто - зря сгинет.

- Давай, деда, я, - сверкнула зелеными глазами Наденька, - я ж с тобой уже ходила, я и снять смогу, и наживить, да и Моряк со мной.

Моряк услышал, что речь идет о нем, беспокойно замахал хвостом. Дед нахмурил брови.

- Мала еще, сама-то, залпуться.

- Не, не, деда, я же всю Песьянку наизусть знаю, каждый кустик, да и где залпуться-то, это же не в городе, - затараторила она, - тут я с закрытыми глазами дорогу найду.

Позавтракали, внучка помыла посуду. Дед достал лыжи. На одной надо было подправить камус. Лыжи были самодельные, а камус дед добыл годка два тому назад, с сохатого, знатный камус. На чарыме и северках держал хорошо, откату не давал. Павел Никитич посмотрел в окно. День разгуливался и обещал быть хорошим.

- Как не вовремя, - подумал он, - хворь эта.

Наденька, словно подслушав деда, начала издалека:

- Вот попадет кто в петлю и будет тебя дожидаться. А я бы скоренько - скоренько по следку пробежала, да и домой. Жаркое бы сделали и Моряка прогуляли.

Дед промолчал. Моряк гавкнул.

- Сговорились, смотри, - ухмыльнулся Никитич.

- А ты бы, деда, медку с чайком пока попил, да прилег, пропотел, может, глядишь, к вечеру и выздоровел, - не унималась она.

Дед колебался.